

У вас в «Богине» мужские персонажи все были такие...

Пьющие, вы имеете в виду, вообще в кино это достаточно обаятельно.

Нет, мне кажется наоборот, они были все-таки довольно мужественного вида. А тут у вас герой больше на девочку похож.

Вот пока такие нас окружают мужчины. А что, вас окружают brutальные какие-то? Коля — вот это наш представитель, интеллигент. А потом он же все равно играет на образ. Там же ценны души, которые способны любить. И моя героиня Готье его любит, и он ее любит. В данном случае, конечно, он для нее такое подспорье. Все лучше, чем брать заштампованного героя-любownika. Мне кажется, Коля лучше, чем актер. С другой стороны, у меня же не было бюджета на каких-то звезд. Что такое звезда? Это же какой-то индивидуальный гримваген, райдер... Вообще ж не было денег. Оле мы платили как матери-одиночке, сколько могли, а те, кто побогаче, благородно отказывались.

У вас героиня имеет очень четкий визуальный образ, как должна выглядеть ее смерть, ну и именно в таком облике вы ей и являетесь.

Так ведь все же сбывается. Во что веришь, то и сбывается. Я ж почему все время настаиваю, что это для кого-то сказка, а для меня — это быть. То, что я себе намечтаю, то и будет. Люди страшно недооценивают воображение.

Вы сами о своей смерти думаете?

В моей версии бытия смерть — это какое-то избавление, как вздох после испытаний, которые я вынуждена была перенести, живя. Поэтому-то я иду на трудности, ведь если я их буду отгибать, то меня снова вернут сюда, назад, на землю, а я хочу пройти здесь все падения, и тогда дальше меня ждет прекрасное путешествие. Я даже себе его представляю: зима, секретный перрон номер Z на заснеженной станции и обязательно поезд, как из детства, годов 50-х. И там, наконец, мне пойдут навстречу все, кого я хочу видеть, все мои любимые умершие, которых я, в отличие от большинства, не боюсь, и меня погрузят в этот поезд, и я наконец со всеми вами попрощаюсь.

А как ваша героиня — смерть в виде какой-то женщины вы представляете?

Сочиняя и снимаясь, я практически с ней слилась. Поэтому сама себя заберу, перенесу и там все исполню. Видите, меня режиссура не покидает даже в самый последний ответственный момент. Если что, приду такой и к вам — налью вам шампанского, в конце концов. Даже Чехов, Антон Павлович, перед смертью попросил что? Шампанского. В каком-то смысле даже

он мне дал подсказку, удивительнейший был писатель и вдохновитель.

Вы когда-то говорили про «Богиню», что у нее изначально был сложный, непонятный и закрученный сценарий, у которого не было внятного конца, но в процессе съемок и монтажа все как-то прояснилось — и вдруг прорисовалась какая-то драматургическая конструкция...

Я бы все равно эту «Богиню» сейчас порезала, оставив последнюю часть. Она начинается как один фильм — детектив, перетекает потом в другой фильм — мелодраму, а заканчивается такой неистовой сказкой. Мне кажется, так нужно было и оставлять — эту неистовую сказку. Видимо, тогда я слишком много хотела одновременно и словно прервала себя на полуслове, только начав. Сейчас я считаю, что я договорилась, сняв внятный, лаконичный и светлый фильм. Я выпустила из себя эту тему — все мы будущие мертвые.

В прокате с 18 октября